

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159

Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазилев

Парадигма воздействия в работах первых отечественных социальных психологов

Авторы считают, что одним из «белых пятен» социальной психологии является вопрос о проблеме воздействия на личность и группу в работах первых отечественных социальных психологов. В рамках настоящей статьи предпринято исследование возникновения парадигмы воздействия в отечественной социальной психологии (как научной, так и прикладной). Констатируется, что к началу XX столетия происходит становление социальной психологии в России, определяется основополагающая проблематика исследований, в которых характерен интерес в первую очередь к социально-психологическим факторам общественно-исторического процесса. Статья основана на использовании труднодоступных материалов, опубликованных в 1920-е гг. в периодической печати. В статье прослеживается изменение трактовок воздействия, эволюция практических задач, решаемых социальной психологией воздействия в 1920-е гг. Вопросы воздействия на массы, толпу были достаточно четко обозначены и активно разрабатывались в отечественной психологии в первое послереволюционное десятилетие. Анализ того, как трансформировались подходы к исследованию воздействия в более поздний период развития отечественной социально-психологической науки, составляет задачу, которая решается в другой работе авторов.

Ключевые слова: воздействие, психология воздействия, социальная психология, личность, группа, толпа.

PSYCHOLOGY

N. Yu. Stoyukhina, V. A. Mazilov

Impact Paradigm in First Russian Social Psychologists' Works

The article states that there is no comprehensive history of Russian social psychology. It seems like there are no monographs describing the complicated history of this discipline in our country in different periods of its development. In addition to this, one the missing parts is the impact on the person and work of the first group of Russian social psychologists. In this article, a study is undertaken in the emergence of the paradigm of the impact of the national social psychology (both academic and applied). It is stated that in the beginning of the XX century, the establishment of social psychology in Russia was determined by the fundamental problems of research in which the nature of the interest was primarily socio-psychological factors of the socio-historical process. The article is based on the use of materials from periodical press published in 1920-s. The article traced the impact of changes in interpretations, traced the evolution of practical problems to be solved by impact social psychology in 1920-s. Questions about masses and crowd control were actively identified and developed in the national psychology in the first post-revolutionary decade. The analysis of changes in methodology on control (impact) of masses in the later period of domestic (Russian) social and psychological science were viewed in different publications of different authors.

Keywords: impact, impact psychology, social psychology, personality, group, crowd.

Каким бы удивительным это ни казалось, история отечественной социальной психологии пока еще не написана, и речь здесь вовсе не идет об исчерпывающей, полной истории российской социальной психологии, – не выполнен еще подготовительный этап, нет даже обстоятельных специальных монографий, описывающих непростую историю этой дисциплины в нашем отечестве. Не подлежит сомнению, что и отдельные исследования, и обобщающие исторические труды не заставят себя ждать, но пока не стоит

удивляться, что возникает много нерешенных вопросов. В частности, до сих пор дискутируется вопрос о времени возникновения социальной психологии.

Идея создания социальной психологии как самостоятельной науки принадлежит выдающемуся французскому социологу Э. Дюркгейму, который еще в 1887 г. в книге «Социология, ее предмет, метод и предназначение» не только обосновал необходимость такой психологии, но и предложил название – *социальная психология*

[14]. Но здесь мы отметим: говоря о возникновении психологии как самостоятельной науки, С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку», «это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к XVI–XVII вв. или переломному периоду от XVII к XVIII в., который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая – ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» [21, с. 77]. В отношении социальной психологии более оправданной представляется точка зрения классика отечественной психологии Б. Д. Парыгина, согласно которой «становление мировой социально-психологической мысли и науки – многоактный, многозначный и протяженный во времени процесс перехода от очень удаленных и первоначально научно неосознаваемых предпосылок, практического опыта общения к попыткам его осмысления и анализа, постепенно перерастающим в течение социально психологической мысли, а затем и в систему научного знания» [17, с. 94]. Основными моментами в этом процессе являются эмпирические предпосылки социальной психологии как опыта практических действий; философские истоки социально-психологической мысли; непосредственные исторические условия; формирование социально-психологического направления в человекознании; становление социальной психологии как экспериментальной науки; оформление социальной психологии в систему научного знания [17, с. 95–96].

Выше мы отмечали, что история социальной психологии в полном объеме еще не составлена. Это справедливо и по отношению к научной социальной психологии, и, в абсолютной степени, – к практической и прикладной социальной психологии, когда идеи социальной психологии начинают использовать на практике с целью оказать воздействие на человека, группу или человеческую массу. В рамках настоящей статьи мы сосредоточимся на исследовании возникновения парадигмы воздействия в отечественной социальной психологии (как научной, так и прикладной).

Вопросы социальной психологии в России начали разрабатываться с начала XX в., особенное влияние на формирование социальной пси-

хологии в России оказали труды И. М. Сеченова и В. М. Бехтерева. А. Л. Журавлев особо выделил тот факт, что В. М. Бехтерев начал заниматься социальной (общественной) психологией с постановки и разработки проблемы – роли внушения в общественной жизни [10, с. 37–46], рассматривая внушение как «социально-психологический метод воздействия и процесс, имеющий место во взаимодействии людей в общественной жизни... в самых разных формах, включая массовое внушение» [10, с. 38], состоящее в «изменении индивидуального, группового настроения как важнейших составляющих психического состояния больших масс людей» [10, с. 38]. Бехтерев первым в отечественной науке обратился к социально-психологическому эксперименту. Эксперименты, осуществленные В. М. Бехтеревым и М. В. Ланге, были направлены на выявление влияния группы на психические процессы индивида. Было обнаружено, что в присутствии других людей появляются существенные изменения в восприятии, памяти, мышлении [15, с. 123].

Помимо Бехтерева, который был представителем естественных наук, вопросы общественной психологии интересовали специалистов общественно-гуманитарной сферы, например, теоретика марксизма, его пропагандиста, философа, видного деятеля российского и международного социалистического движения, одного из основателей РСДРП и газеты «Искра» Г. В. Плеханова. Прокурор московского окружного суда П. Н. Обнинский, проанализировав толпу, участвующую в «холерных бунтах», выделил в ее составе три категории участников: вожаки – «подстрекатели и вестовщики», наиболее активные разоблачители «коварства» противохолерных мероприятий властей; основная масса людей, подвергнутая нравственному заражению вожаками и друг другом; «сознательные, заправские преступники», «воры и буяны по призванию», любители «поудить рыбу в мутной воде». Он представлял толпу как «чудовище с маленькой головой, длиннейшим извивающимся туловищем и крохотным хвостом, единственно подлежащим усечению» [5, с. 78].

Один из идеологов народничества Н. К. Михайловский выделил условия, при которых обычно целенаправленно создаются возможности для гипнотизирования толпы. Предпосылкой для эффективного гипнотического воздействия в самых разнообразных его формах является односторонняя концентрация сознания на слабых и равномерно повторяющихся раздражениях органов чувств: «...вульгарно выражаясь,

можно сказать, что гипнотик... начинает жить однообразной жизнью и, очень быстро исчерпав самого себя, превращается в выеденное яйцо, которое собственного содержания не имеет, а наполняется тем, что случайно волеется в него со стороны» [6, с. 8]. То же происходит с человеком в условиях крайней скудости красок, звуков и форм, однообразия пищи, промыслов и интересов, вынужденной обособленности существования, и с человеком, проходящим солдатскую службу, где люди вынуждены постоянно иметь дело с несложной комбинацией зрительных, слуховых, осязательных впечатлений, повторяя доведенные до автоматизма реакции. Инициатор совместных действий должен обладать качеством, которое Н. К. Михайловский обозначил как «обаяние»: «...кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт. Он должен произвести моментально столь сильное впечатление на людей, чтобы оно ими овладело всецело и, следовательно, на время задавило все остальные ощущения и впечатления, чем и достигается односторонняя концентрация сознания; или же он должен поставить этих людей в условия постоянных однообразных впечатлений. И в том, и в другом случае он может делать чуть не чудеса, заставляя плясать под свою дудку массу народа и вовсе не прибегая для этого к помощи грубой физической силы» [6, с. 8].

Важное место в формировании основ отечественной социальной психологии принадлежит трудам Н. А. Бердяева. Известный отечественный мыслитель предпринял попытку рассмотрения многочисленных социально-психологических явлений через призму характера русского народа [15, с. 123]. Вклад в социальную психологию внес и другой выдающийся русский физиолог – И. П. Павлов. В его докладе 1918 г. «О русском уме» содержится глубокий и не утративший своего значения до сегодняшнего дня анализ особенностей мышления русского народа [15, с. 124].

Подведем некоторые итоги. К началу XX столетия происходит становление социальной психологии в России. Определяется основополагающая проблематика исследований. Как справедливо отмечалось Б. Д. Парыгиным, для отечественной социально-психологической науки характерен интерес в первую очередь к социально-психологическим факторам общественно-исторического процесса. На этом этапе предмет социально-психологической науки как таковой еще не определяется, происходит уточнение ее

объекта. Предпринимаются первые попытки определения методов социальной психологии, идет поиск объяснительных принципов.

Время революций – всплеск интереса к социальной психологии

Краеугольным камнем подхода русского и советского философа, педагога и психолога П. П. Блонского к социальной психологии было изучение поведения индивидуума как функции социальной среды (но в рамках бихевиоризма). Русский философ, логик и психолог Г. И. Челпанов на первый план выдвигал личность. Сущность идеи коллективной психологии заключается в том, что полностью изучить природу человека можно только в социальной жизни. Для изучения развития личности, как и для изучения развития общества, требуется встать на историческую точку зрения. В понимании выдающегося русского психиатра, невропатолога, физиолога, психолога, основоположника рефлексологии и патопсихологии в России, академика В. М. Бехтерева коллективная рефлексология должна стать одной из областей социологии, предмет которой – изучение коллектива, который может действовать и проявлять себя как собирательная личность. Советский психолог, академик АПН РСФСР К. Н. Корнилов считал, что не может быть никакой индивидуальной психологии, изолированной от социологии, может быть только марксистская психология, она и есть – социальная психология.

Среди исследований социальных вопросов в психологии выделяются некоторые работы психологов начала XX в., остановивших свое внимание на проблеме психологического воздействия на сознание масс, что было значимой идеей в работах психологов 1920–1930-х гг. Социальные психологи видели основную задачу в объяснении механизма влияния на массы в условиях социальных потрясений, которыми было богато начало XX в.

Педагог и психолог, философ, приват-доцент Московского университета В. Н. Ивановский, находясь в 1918 г. в эпицентре революционной бури, в своей малоизвестной работе «О контрреволюции» обратил внимание на поведение широких народных масс в условиях революции. По его мнению, после революционного порядка наступает время контрреволюции – «крушение возникшего во время революции порядка» [12, с. 1], при недовольстве им и желании восстановить порядок, аналогичный низвергнутому. Особенность российской революционной стихии автор видит в нескольких причинах. Первая – низ-

кая культура народа, который «мало сознателен; все самые смелые вопросы кажутся элементарному пониманию в высшей степени простыми», есть желание решить их немедленно и полностью, люди становятся «фантастическими приверженцами истин (вождей. – *прим. авторов*)» [12, с. 4]. В силу малограмотности за народ говорят их вожди – «интеллигенты, мало считающиеся с реальными интересами реально существующих общественных групп, проводящие такие широкие и отвлеченно общие точки зрения, с которых уже перестают быть видными эти тонущие где-то в серой мгле реальные интересы» [12, с. 4]. В результате этого «массы являются... орудиями для приложения универсальных рецептов спасения человечества..., при помощи которых хотят сдвинуть с орбиты всю землю» [12, с. 4]. Внушаемой массе «далекие цели кажутся ближайшими задачами дня, ...односторонние истины понимаются ...метафизически. И чем эти истины элементарнее и одностороннее, чем они оголеннее, абсолютнее и резче, тем больше восторгов неопитов, полагающих что именно сквозь них проходит в данный момент стержень мировой истории, тем выше взлетает в своих собственных глазах лишенный багажа политического опыта элементарный ум. Отсюда успех крайних лозунгов и партий» [12, с. 4]. Вторая особенность России – в темпераменте народа и разных уровнях культурности, в том, что автор определяет пословицей «русский человек не только шапку, но и мозги набекрень носит». В революционных массах меняется настроение от восторженной преданности их вождям с их «льстящими массам лозунгами» до взрывов ненависти к ним, в итоге – «общая воля распыляется, и народ и государство превращаются в бесформенную массу, раздираемую борьбой групповых интересов, быстро принимающих инстинктивную, зоологическую форму» [12, с. 6].

Социальная психология революционных масс с точки зрения социалистов-революционеров

Вопросы психологии масс, отразивших их социально-революционные устремления 1917 г., были рассмотрены уже в первых послереволюционных публицистических сборниках партий эсеров, меньшевиков и большевиков, написанных в 1918 г., где была сделана попытка анализа изменения психологии масс в ходе революционных событий. Эсеры уделяли особое внимание вопросам психологии. Так, А. А. Мишин попытался сделать полный анализ психологического состояния населения на различных этапах рево-

люции [16]. В событиях 1917 г. он видит три периода, каждый охватывает примерно три месяца. Для первого периода (март – май) характерно «празднично-радостное настроение во всех слоях общества, огромный, непререкаемый авторитет революционера и революционных организаций». «Крайние революционные партии (большевики) с их подручными “не перевариваются” опытом и настроениями, сознанием масс, кажутся необычно “дерзкими” и пугающими» [13, с. 23], поэтому основная часть населения отшатнулась от них, подняв к руководству революцией умеренные социалистические партии. Примитивное сознание масс принимает некоторые идеи. В итоге к концу первого периода революции «расслаивающаяся» народная психика получила все необходимое для развития «духа разрушения» и слишком мало для роста «духа созидания», в этом и видится автору трагедия русской революции, начавшаяся во втором периоде революции (июнь – август) с такой характерной чертой – российский гражданин свыкся с «обычаями» революции, «своим умом» стал доходить до всего и обнаружил, что в «делании революции» нет ничего хитрого. Образ революционера тускнеет, блекнет. Масса осознает, что революция – дело рук народа, а не революционера. В условиях, когда не решались крайне острые проблемы (войны, хлеба и земли), верх одержала «психология нетерпения», где инициатива принадлежала «бродильному и бродячему грибку русской революции – солдату». В этих условиях власть должна была применить силу, чтобы удержать стихию, и большевики раньше и быстрее всех сумели понять и учесть психологию масс, обещая «осуществление» всего «немедленно».

В статье юриста и эсера Д. С. Розенблюма «Противоречия русской революции» [19] осмысливался психологический перелом масс, наблюдаемый по мере нарастания революционного кризиса. Февральский взрыв стал протестом против царизма и затянувшейся войны, но, добившись значительных успехов в первые месяцы, революция оказалась в непримиримом противоречии с войной. Потерпев неудачу с Манифестом Совета «К народам мира» от 14 марта 1917 г., руководители демократии попытались примирить революцию и войну, но безуспешно, ввиду того что стихия социальной классовой войны плохо соотносила свои интересы с интересами общества [19, с. 22]. Д. С. Розенблюм высказывался против классифицирования большевистских выступлений как «заговора», «авантюры», поскольку восстание нашло широкую поддержку как в тылу, так и в действующей армии; в осно-

вании восстания «лежал народный протест против затянувшейся войны, ... оно было конвульсией народно-хозяйственного организма, не могущего далее выдержать высасывание из него войною всех жизненных соков» [19, с. 24].

В другом своем очерке он описал социально-психологические основы большевизма, основанные на явлениях социального распада, образованных катаклизмом – войной. Именно война усилила деклассирование крестьянства. Громадный спрос на рабочие руки в военной промышленности, лишившейся части постоянных рабочих, призванных на фронт, «отвлёк из деревни соблазном высоких заработков многочисленные слои трудового крестьянства» [20, с. 7] и привел к созданию того типа рабочего, психология которого чужда промышленному строю крупного производства из-за вынужденности и временности его рабочего статуса. Этот деклассированный крестьянин, по мнению Д. С. Розенблюма, имел лишь две социальные перспективы: или «судьбу паупера»¹, или возвращение к крестьянскому хозяйству, где это еще возможно. Важно, что идеология такого человека никак не сопрягалась с социалистическим учением «об обобществлении производства и его планомерном общественном регулировании» [20, с. 7], то есть пролетарско-классовым. В такой же ситуации оказалась и многомиллионная солдатская масса, лишенная своего хозяйства на время войны, отвыкшая крестьянствовать и привыкшая жить в тылу за счет государства, порой спекулируя. Находясь в окопах на протяжении трех лет войны без надежды на будущее, «психология слоев, лишившихся или находившихся под угрозой лишения социально-экономической базы своего существования, ... стала доминирующей. Психология неустойчивости, непрочности, беспочвенности, психология душевного и морального распада и метаний из стороны в сторону» [20, с. 8], с элементами «поверхностного бурления, беспредметной озлобленности, хаотического брожения, при котором всего проще найти выход в стремлении “сорвать сердце”, разгромить, выместить накопившие боли и обиды» [20, с. 9]. Людей в таком состоянии легче всего превратить в фанатичную толпу, идущую за вожаками-демагогами, ожесточающуюся от любого сопротивления, не способную рассуждать и слушать аргументы. «С такой толпой нельзя ничего строить и организовать, но можно разрушать, разгромять, брать “на шарап”, захватывать и делить» [20, с. 9]. Д. С. Розенблюм обозначает психологию социально деклассированных низов как психологию первобытного социализма, социализма потреб-

ления и дележа, на которой и были основаны все лозунги и декреты большевиков революционного времени. Вожди – «политические авантюристы» – льстили толпе, а она их выдвигала, соглашаясь на их деспотию.

Розенблюм упрекает большевиков в том, что они строили свои типично-демагогические приемы агитации и пропаганды на лжи и клевете, брани и разжигании классовой ненависти, систематически подрывая доверие к другим социалистическим партиям, используя традиционное недоверие масс к интеллигенции. Такая идеология как никакая другая отвечала настроениям и психологии «деклассированной солдатчины и фабрично-заводской деревенщины», которая не могла и не хотела думать о будущем, «ей нужен был немедленный выход в настоящем» [20, с. 10]. И большевики пошли за толпой, отвергая всякое организованное, планомерное, сознательное вмешательство в стихийный процесс политико-экономической жизни страны, стали «грабить награбленное»: отдали заводы и фабрики пришлой, неквалифицированной заводской массе, банки – красногвардейцам, шарящим в сейфах, беднейшему крестьянству – помещичий скот и инвентарь (с дальнейшей перепродажей скупщикам) и т. д. При этом большевики, развалив все и вся, «вдохновляя себя лозунгом беспощадной войны против растущей опасности контрреволюции» [20, с. 12], сами представляют контрреволюционную силу.

И действительно, очевидец первых революционных дней писал: «Характерная особенность петербургских улиц сейчас – митинги, длящиеся иногда круглые сутки, благо – тепло и стоят белые ночи. ... Построение их [агитаторов. – прим. авторов] речи очень просто: они, подлаживаясь к толпе демагогическим обличением буржуазии, очень ловко переводят вопрос на то, что войны не надо, война, дескать, нужна лишь “образованным и господам”, чтобы отвлечь народ от земли. ... Во-первых, заметно и внешнее агитаторам сочувствие, правда, не всеобщее... Во-вторых, постепенно, медленно, в темной массе накапливается злобное чувство недоверия и растерянности, еще не забыты старые навыки, еще страшно всецело поддаться на дьявольскую лесть, но агитаторы сулят столько приятного, а их противники говорят вещи, отнюдь не сулящие веселого житья, – и темный мозг, еще не окончательно соблазненный, уже тронут сомнениями. Это явственно ощущается, когда говорит интеллигент, барин. Протестов, правда, почти не слышно – разве единичные. Но слушают-то хмуро, между ним и толпой – стена. В-третьих, эта праздность, это бес-

цельное шатание по улицам и постоянность блудословия, вливаемого в уши, сама по себе величайший разврат, создающий благоприятную почву для всякой мерзости. В массе ослаблены поддерживающие центры; разболтанная, упоенная бесстыдною демагогией социалистов всех оттенков, твердящих, что она – Хозяин, она находится в состоянии скрытой истерики и готова в бешеном припадке ринуться стадом за тем, кто посулит больше. Над большевиками недавно еще смеялись, но, кажется, этот смех прежде времени» [1, с. 468].

Первая статья в меньшевистском сборнике «За год» – статья Ф. Дана, где автор отмечает, что у политики всеобщего демократического мира «был один основной порок: она могла бы оправдать себя, только если бы дала скорые результаты» [8, с. 6], так как усталость от войны не мирилась с этим злом. Однако эта политика потерпела крушение. «Победа большевизма стала исторически неизбежной в отсталой крестьянской стране, когда выяснилось, что в течение восьми месяцев революция оказалась не в состоянии дать обещанного ею демократического мира», и «мир во что бы то им стало сделался исторической необходимостью». А. Ерманский, автор статьи из того же сборника, подчеркнул нарастание на протяжении восьми месяцев революции недовольства и озлобления, что стало почвой для большевистского переворота, который был принят и поддержан широкими народными массами. Объективно, отмечает автор, новый режим, несмотря на все недостатки и дефекты, оказался единственным исторически возможным в данных условиях [13].

М. А. Рейснер и Л. Н. Войтоловский о психологии масс

Один из первых советских социальных психологов правовед и историк М. А. Рейснер придавал значение анализу классовой психологии и другим собственно психологическим проблемам. Социальная психология, считал он, должна стать в области культуры наукой о социальных раздражителях разного вида и типа, основой классификации которых является массовое поведение людей. Центрами общественных раздражителей Рейснер считал государство, право, искусство, науку, семью, религию. Для него большое значение имела рефлексология И. М. Сеченова, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева. Выступая 17 февраля 1924 г. в Психологическом институте с докладом «Условная символика как социальный раздражитель» через месяц после окончания Второго всероссийского съезда по психоневроло-

гии, где ключевыми вопросами были вопросы методологические, он своеобразно продолжил съездовскую дискуссию по вопросу о народившейся социальной психологии: ее предмете и методах. Он считал, что есть пункт, связывающий социальную психологию с естествознанием и обществоведением, – это «вопрос о символике или сигнализации», где автор имел в виду организацию сигнализации (в свете теории И. П. Павлова) при образовании условных рефлексов, которые, подчиняясь воздействию переменчивой среды, вырабатывается организмом «при помощи столь же неустойчивых, как и весьма условных, посредственных и отдаленных раздражителей, воспринимаемых нашими анализаторами звуковых, световых и подобных явлений, только сигнализирующих собой приближение или наступление раздражителя безусловно» [18, с. 179]. Психология долго «игнорировала» социологию, что привело к бесплодности из обеих, но все же бихевиоризм и психоанализ пришли к необходимости изучения человека, как «животного общественного и даже... политического» [18, с. 187]. Деятельность живого существа Рейснер понимает с точки зрения рефлексологии: «...любое существо может лишь постольку добиться некоторого успеха, поскольку оно непрестанно образует новые (и в этом смысле творческие) условные рефлексы и обставляет себя возможными сигнальными вехами, обозначающими то близость пищи, то приближение опасности, то наблюдение периода течки и т. п.» [18, с. 186]. А вот «способность к искусственной и материальной организации символики, отражающей действительность и ...являющейся специальным раздражителем», присуща только человеческому поведению. Символика общественного человека – отражающая, отображающая или выразительная; условный, произвольный или случайный сигнал действует так, что «его форма приобретает внешние очертания действительного предмета или явления, как они вызывают зрительную реакцию со стороны человека, или же становится подробной и точной сигнализацией речевых реакций, достигших благодаря техническому прогрессу необычайной тонкости и сложности» [18, с. 190].

М. А. Рейснер видел полное совпадение понятий «идеология» и «символические раздражители общественного человека»: под идеологией он подразумевал идею, «символ, который находится на том или ином пути расхождения с породившей его материальной средой, и с точки зрения приспособления должен быть оценен как осужденный на торможение или угасание» [18, с. 192].

Новому классу с его новой идеологией следует скорее установить свою систему символов-раздражителей и «разоблачить, как негодную», затормозив, «идеологию технически отсталого или даже вредного класса» [18, с. 192], поэтому автор считал основной психотехнической задачей социальной психологии, попутно обговаривая множество задач «по созданию наилучшей организации системы социальных раздражителей в символическом аппарате производственной машины», «не отдельные, иногда весьма скромные работы по психотехнике рекламы или подбору способностей для определенных профессий, но прежде всего общее построение типов социальной символики в ее непосредственной связи и зависимости от запросов реальной (производственной) среды. Она должна изучить и обосновать типы раздражителей классового, профессионального и национального характера; выяснить различия символики раздражителей в явлениях так называемого права, нравственности, политики и религии; установить формы и типы организации символических центров и наметить технику их работы; исследовать этапы и формы развития социальных раздражителей во времени, в их зарождении, расцвете и угасании, в связи с развитием определенной производственной потребности; ...стать ...вспомогательной наукой политической науки в широком смысле слова или ...одной из отраслей прикладной социологии» [18, с. 193]. Применение объективного метода в этой области обещало большие успехи.

М. А. Рейснер возлагает большие надежды на психоаналитические исследования, так как благодаря школе З. Фрейда общество в достаточной степени ознакомлено с характером сексуальной символики, но «пока здесь исследование не станет на путь последовательного историко-материалистического метода, важнейшие моменты проблемы останутся неразрешенными» [18, с. 195]. Одним из таких важнейших моментов является установление характера связи между эстетической символикой и моторной иннервацией организма, что придаст «системе социально-экономических раздражителей крупнейшее организационное значение» [18, с. 195].

Один из первых российских социальных психологов, представляющих социологическое направление, российский врач, журналист, публицист и литературный критик Л. Н. Войтоловский, каждую страницу истории человечества предлагал рассматривать через социально-психологические факторы, относя к ним психологию общественных настроений и психологию класса [22]. Как писал критик его кни-

ги С. Гинцбург, «автор ставит себе довольно заманчивые цели: установить гармонию между экономической и социальной психологией» [4, с. 189] и достаточно убедительно делает это. Призывая глубже проникать в сущность общественных настроений, он обращал внимание на изучение процесса «всеобщего заражения масс» [3, с. 16], потому что «воля и страсти составляют еще совершенно не учтенные силы, и роль их мало исследована в истории человеческой жизни» [3, с. 16]. «Чрезвычайно ценным вкладом в науку о коллективной душе является работа художественной мысли», – писал он [3, с. 16].

Войтоловскому принадлежит описание феномена массовой паники, возникающей в толпе. Толпой он называл одну из форм «совокупной работы, построенной на общности интересов и чувств», которая «ведет к развитию совершенно своеобразной солидарности и сплоченности в толпе... Взаимодействие между всеми участниками ее облегчено и доведено до поразительной упрощенности» [2, с. 86]. Этим взаимодействием достигается то, о чем поэтично написал В. Маяковский:

«... и у нас
и у массы
и мысль одна
и одна генеральная
линия».

Утверждая важность значения трансформаций коллективного чувства на каждом этапе исторического пути человечества, Л. Н. Войтоловский призывает вооружаться знаниями по коллективной психологии, чтобы научиться «понимать истинный характер совершающихся на наших глазах превращений, правильно разбираться в головокружительном потоке событий» [2, с. 87] и получить «в руки оружие для правильной оценки и правильного воздействия на ход исторического процесса» [2, с. 87]. Ученый выделил два типа толпы: активную (толпа победителей, «одухотворена единством стремлений и согрета общим эмоциональным порывом. В ней каждая отдельная единица исполнена силы, бодрости, веры и высокого мужественного энтузиазма» [3, с. 181]) и паническую (где «живая связь между каждым отдельным индивидом исчезает. Глохнут и рвутся те социально-психические скрепы, под влиянием которых взаимная индукция как бы постоянно питает и умножает напор коллективной воли. ...является слепая, трусливая покорность и пассивная подражательность, на почве которой беспрепятственно совершается в обществе насаждение реакционных, мистических и всяких противообщественных прививок» [3, с. 181].

Войтоловский писал о тесной взаимосвязи коротких, очень понятных и часто повторяемых лозунгов с массовыми эмоциями и поведением этих самых масс: «...на известной стадии социально-экономических отношений определенные групповые силы приходят к пониманию тех средств и путей, которые ведут к утверждению их морального и материального господства. Эти средства и пути, проникая в сознание класса в виде кратких, концентрирующих внимание и постоянно повторяемых лозунгов-формул, приобретают над ним (сознанием) огромную силу, становятся идеями-двигателями, накладывающими печать на целые эпохи. Такие краткие лозунги, формулирующие тактику и потребность масс, являются скрытой пружиной многочисленных стремлений и усилий, а значит – обильным источником страстей, размах и сила которых растет с усложнением жизненных интересов и умножением потребностей класса. Таким образом, психика многочисленного класса и сопутствующих ему групп оказывается приспособленной к известной гармонической общности, к эмоциональному единству... Революционный лозунг, попадая в эмоционально податливую среду, приводит к мгновенной концентрации чувства» [3, с. 182]. Угрозу и террор Л. Н. Войтоловский рассматривал как инструмент работы с массами: «Задача террора – оглушить коллективную чувствительность врага, посеять в его рядах асоциальность, вычеркнуть из арсенала его политических средств способность повышенно откликаться на явления общественной жизни. ...Ибо общество, охваченное паническим настроением ...утрачивает чуткость к дисгармониям общественной жизни, ...само становится источником угнетающих и тревожных эмоций, доводящих его до мертвящей немощи, заботности и апатии. ...применение угрозы чрезвычайно широко распространено в социально-политической борьбе и является одним из самых могущественных факторов социального оглушения» [3, с. 183]. Утверждая важность значения трансформаций коллективного чувства на каждом этапе исторического пути человечества, Л. Н. Войтоловский призывал вооружаться знаниями по коллективной психологии, чтобы научиться «понимать истинный характер совершающихся на наших глазах превращений, правильно разбираться в головокружительном потоке событий» и получить «в руки оружие для правильной оценки и правильного воздействия на ход исторического процесса» [3, с. 87].

Однако критик С. Гинцбург был не доволен книгой. Отметив оптимистичное утверждение

Войтоловского, что люди, вооруженные знаниями, научатся понимать истинный характер современных «превращений, разбираться... в головокружительном потоке событий... и получат... оружие... для правильного воздействия на ход исторического процесса», он засомневался в научности книги: «...вся защита сшита из фигурных литературно-художественных листков. ...Вредность этой книжки в том, что она некритически сочетает Маркса с Уордом, и вдобавок, с Джемсом. Она запутает доверчивого читателя» [4, с. 190].

Как пишет Д. С. Горбатов – исследователь творчества Л. Н. Войтоловского – он «был лишен возможности внести какие бы то ни было коррективы, не успел он приобрести и последователей, способных усовершенствовать исходные тезисы. ...Его идеи так и не стали в то время предметом широкого обсуждения. Слепота и развившаяся душевная болезнь дважды спасали Л. Н. Войтоловского от ареста. Но его теория, оставшаяся последней в ряду интерпретаций социально-психологической природы толпы советского периода, фактически оказалась осуждена на забвение» [6, с. 12].

Заключение

Объемно подытожил психологические особенности революционной ситуации в России С. И. Данилов, используя понятия евразийской феноменологии революции. Описывая симптомы революции как болезни, он говорит об «утрате воли – самой способности мыслить, принимать решения и действовать» [9, с. 40], возникновении оппозиции к власти в недрах самой власти, с ее постоянным упражнением в красноречии, угрожающей элементарности и безжизненности предреволюционных проектов и программ. Психопатологическая возбудимость людей в революционной ситуации снижается из-за гиперболизации жизни общества, царит анархия, коллективная личность народа расщепляется, попадая под влияние психопатически настроенной псевдореволюционной оппозиции, увлекаясь ее идейными галлюцинациями и миражами, бредовыми идеями и с неизбежностью стремясь к культурно-исторической гибели [9, с. 40].

А. Б. Залкинд считал вопрос о «толпе», о человеческих массах для власти необыкновенно важным, внутренними законами, регулирующими психофизиологическое бытие «толп» обязательно следует овладеть, когда на арену борьбы за власть выходят колоссальные «толпы», массы трудящегося человечества, но, писал он, «если пойдем за “наукой” о толпах, родившейся в бур-

жуазном строе, мы потеряем власть над этими «толпами»» [11, с. 158]. Что же следует сделать? – создать в разнородной толпе единое целеустремление, что «можно лишь при условии, если она действительно однородна, если эта цель – ее достояние, если нет конкурирующих целей. Вождь лишь постольку влечет за собою толпу, поскольку он выражает ее чаяния. Перестав их выражать, он теряет ... свою «гипнотизирующую» силу» [11, с. 159]. Основное для отдельных людей в толпе, являющихся составными ее частями, – рефлекторный фонд социальных трудовых приспособлений, то есть классовый фонд, значит, «и в толпе внушаемость строится по линии классового избирания» [11, с. 159]. Это выражается в следующем: чем выраженнее классовая установка у различных слоев толпы, тем труднее им внушить, «современная пролетарская толпа совсем не так падка на внушения... и не внушение – основное орудие ее организации, руководства ею», а агитация и пропаганда. «Лучший воспитатель – пропаганда... Толпа трудящихся, в состав которой входит твердый слой хорошо спропагандированных в классовом смысле людей, не позволит внушению столкнуть себя с истинно классового пути» [11, с. 159]. По его мнению, старые учения о толпе были построены на презрении к массе, но пришла пора «эту барскую брехню ... из науки вышвырнуть» [11, с. 160].

Таким образом, как можно было увидеть, вопросы воздействия на массы, толпу были достаточно четко обозначены и активно разрабатывались в отечественной психологии в первое послереволюционное десятилетие. Анализ того, как трансформировались подходы к исследованию воздействия в более поздний период развития отечественной социально-психологической науки, составляет задачу, которая решается в другой работе авторов.

Библиографический список

1. Амфитеатров-Кадашев, В. Страницы из дневника [Текст] / В. Амфитеатров-Кадашев // МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. – Т. 20. – М.: СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. – С. 468–469.
2. Войтоловский, Л. Очерки коллективной психологии. Ч. 1. Психология масс [Текст] / Л. Войтоловский. – М., 1923. – 88 с.
3. Войтоловский, Л. Психология панических настроений [Текст] / Л. Войтоловский // Красная Новь. – 1924. – № 5. – С. 176–197.
4. Гинцбург, С. Л. Войтоловский. Очерки коллективной психологии: в 2-х ч. Ч. 1. Психология масс [Текст] / С. Гинцбург // Вопросы советского хозяйства и управления. – 1924. – № 8–9. – С. 189–190.
5. Горбатов, Д. С. Проблема преступлений толпы: подход П. Н. Обнинского [Текст] / Д. С. Горбатов // Психология и право. – 2014. – № 1. – С. 75–81.
6. Горбатов, Д. С. Теория «Героев и толпы» Н. К. Михайловского: основные идеи [Текст] / Д. С. Горбатов // Социальная психология и общество. – 2014. – № 4. – С. 5–14.
7. Горбатов, Д. С. Теория толпы Л. Н. Войтоловского: ключевые идеи [Текст] / Д. С. Горбатов // Социальная психология и общество. – 2014. – № 2. – С. 5–12.
8. Дан, Ф. Вопросы войны и мира [Текст] / Ф. Дан // За год. – М., 1919. – С. 5–12.
9. Данилов, С. И. Феномен революционного психоза [Текст] / С. И. Данилов // Психология страха: Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур. – М.: Военный университет РФ, 2014. – С. 36–46.
10. Журавлев, А. Л. Роль В. М. Бехтерева в становлении отечественной социальной психологии [Текст] / А. Л. Журавлев // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V московские встречи». – М.: Институт психологии РАН, 2010. – С. 37–46.
11. Залкинд, А. Б. Жизнь организма и внушение [Текст] / А. Б. Залкинд. – М. – Л.: Госиздат, 1927. – 175 с.
12. Ивановский, В. Н. О контр-революции [Текст] / В. Н. Ивановский. – М.: Изд-во преподавателей Московского университета, 1918. – 16 с.
13. Ильин, Е. В., Днепровой, А. Ю. Анализ изменения психологии масс в условиях социально-политического кризиса в 1917 году (По материалам социалистической публицистики в 1918–1919 годах) [Текст] / Е. В. Ильин, А. Ю. Днепровой // Теоретические и методологические вопросы истории психологии. – СПб.: Нестор, 1999. – С. 22–26.
14. Мазиллов, В. А. Век социальной психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Психология XXI столетия. – № 1. – Ярославль: МАПН, 2008. – С. 36–45.
15. Мазиллов, В. А. Интеграция психологического знания: методологические проблемы [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль: МАПН, 2008. – 122 с.
16. Мишин, А. А. Дух разрушения в русской революции [Текст] / А. А. Мишин // Год русской революции (1917–1918 гг.). – М.: Земля и воля, 1918. – С. 27–39.
17. Парыгин, Б. Д. Социальная психология [Текст] / Б. Д. Парыгин. – СПб.: СПбГУП, 2003. – 592 с.
18. Рейснер, М. А. Условная символика как социальный раздражитель [Текст] / М. А. Рейснер // Вестник Коммунистической академии. – 1924. – № 9. – С. 175–197.
19. Розенблюм, Д. С. Противоречия русской революции [Текст] / Д. С. Розенблюм // Год русской революции (1917–1918 гг.). – М.: Земля и воля, 1918. – С. 17–26.

20. Розенблум, Д. С. Социально-психологические основы большевизма [Текст] / Д. С. Розенблум // Большевики у власти. Социально-политические итоги октябрьского переворота. – Пг., 1918. – С. 5–12.

21. Рубинштейн, С. Л. Философские корни экспериментальной психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М. : Педагогика, 1973. – 423 с.

22. Стоюхина, Н. Ю. История советской психотехники: психология воздействия [Текст] : учебное пособие / Н. Ю. Стоюхина. – М. : Логос, 2012. – 324 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Amfiteatrov-Kadashev, V. Stranicy iz dnevnika [Текст] / V. Amfiteatrov-Kadashev // MINUVShEE: Istoricheskij al'manah. – Т. 20. – М. : SPb. : Atheneum; Feniks, 1996. – С. 468–469.

2. Vojtlovskij, L. Ocherki kollektivnoj psihologii. Ch. 1. Psihologija mass [Текст] / L. Vojtlovskij. – М., 1923. – 88 с.

3. Vojtlovskij, L. Psihologija panicheskikh nastroenij [Текст] / L. Vojtlovskij // Krasnaja Nov'. – 1924. – № 5. – С. 176–197.

4. Gincburg, S. L. Vojtlovskij. Ocherki kollektivnoj psihologii: v 2-h ch. Ch. 1. Psihologija mass [Текст] / S. Gincburg // Voprosy sovetskogo hozjajstva i upravlenija. – 1924. – № 8–9. – С. 189–190.

5. Gorbatov, D. S. Problema prestuplenij tolpy: podhod P. N. Obninskogo [Текст] / D. S. Gorbatov // Psihologija i pravo. – 2014. – № 1. – С. 75–81.

6. Gorbatov, D. S. Teorija «Geroev i tolpy» N. K. Mihajlovskogo: osnovnye idei [Текст] / D. S. Gorbatov // Social'naja psihologija i obshhestvo. – 2014. – № 4. – С. 5–14.

7. Gorbatov, D. S. Teorija tolpy L. N. Vojtlovskogo: ključevye idei [Текст] / D. S. Gorbatov // Social'naja psihologija i obshhestvo. – 2014. – № 2. – С. 5–12.

8. Dan, F. Voprosy vojny i mira [Текст] / F. Dan // Za god. – М., 1919. – С. 5–12.

9. Danilov, S. I. Fenomen revoljucionnogo psihoza [Текст] / S. I. Danilov // Psihologija straha: Materialy mezhhregional'noj nauchno-praktičeskoj konferencii psihologov silovyh struktur. – М. : Voennyj universitet RF, 2014. – С. 36–46.

10. Zhuravlev, A. L. Rol' V. M. Behtereva v stanovlenii otechestvennoj social'noj psihologii [Текст] / A. L. Zhuravlev // Istorija otechestvennoj i mirovoj psihologičeskoj mysli: Postigaja proshloe, ponimat' nastojashhee, predvidet' budushhee: Materialy mezhdunarodnoj

konferencii po istorii psihologii «V moskovskie vstrechi». – М. : Institut psihologii RAN, 2010. – С. 37–46.

11. Zalkind, A. B. Zhizn' organizma i vnushenie [Текст] / A. B. Zalkind. – М. – Л.: Gosizdat, 1927. – 175 с.

12. Ivanovskij, V. N. O kontr-revoljucii [Текст] / V. N. Ivanovskij. – М. : Izd-vo prepodavatelej Moskovskogo universiteta, 1918. – 16 с.

13. Il'in, E. V., Dneprovij, A. Ju. Analiz izmenenija psihologii mass v uslovijah social'no-politicheskogo krizisa v 1917 godu (Po materialam socialističeskoj publicistiki v 1918–1919 godah) [Текст] / E. V. Il'in, A. Ju. Dneprovij // Teoreticheskie i metodologičeskie voprosy istorii psihologii. – SPb. : Nestor, 1999. – С. 22–26.

14. Mazilov, V. A. Vek social'noj psihologii [Текст] / V. A. Mazilov // Psihologija XXI stoletija. – № 1. – Jaroslavl' : MAPN, 2008. – С. 36–45.

15. Mazilov, V. A. Integracija psihologičeskogo znanija: metodologičeskie problemy [Текст] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl' : MAPN, 2008. – 122 с.

16. Mishin, A. A. Duh razrushenija v russkoj revoljucii [Текст] / A. A. Mishin // God russkoj revoljucii (1917–1918 gg.). – М. : Zemlja i volja, 1918. – С. 27–39.

17. Parygin, B. D. Social'naja psihologija [Текст] / B. D. Parygin. – SPb. : SPbGUP, 2003. – 592 с.

18. Rejsner, M. A. Uslovnaja simbolika kak social'nyj razdrazhitel' [Текст] / M. A. Rejsner // Vestnik Kommunističeskoj akademii. – 1924. – № 9. – С. 175–197.

19. Rozenbljum, D. S. Protivorechija russkoj revoljucii [Текст] / D. S. Rozenbljum // God russkoj revoljucii (1917–1918 gg.). – М. : Zemlja i volja, 1918. – С. 17–26.

20. Rozenbljum, D. S. Social'no-psihologičeskie osnovy bol'shevizma [Текст] / D. S. Rozenbljum // Bol'sheviki u vlasti. Social'no-politicheskije itogi okťabr'skogo perevorota. – Pg., 1918. – С. 5–12.

21. Rubinshtejn, S. L. Filosofskie korni jeksperimental'noj psihologii [Текст] / S. L. Rubinshtejn // Rubinshtejn S. L. Problemy obshhej psihologii. – М. : Pedagogika, 1973. – 423 с.

22. Stojuhina, N. Ju. Istorija sovetskoj psihotekhniki: psihologija vozdejstvija [Текст] : uchebnoe posobie / N. Ju. Stojuhina. – М. : Logos, 2012. – 324 с.

¹ Нищий, бедняк, лишенный средств к существованию.